

УДК 811.161.1'28
DOI: 10.17223/19986645/54/5

Г.В. Калиткина

«НЕТ, Я НЕ ВРУ...» vs «НЕТ, ВРУ Я...». ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА В ЗЕРКАЛЕ ПРЕДИКАТОВ ПРОФАННОЙ РЕЧИ

Проанализированы цели, условия и сфера автореферентного употребления в «низких» текстах диалектного дискурса многочисленных общерусских, просторечно-диалектных и собственно дислектных предикатов лжи и болтовни. Выявлены причины преобладания выражаемой ими этической или истинностной оценки речеповеденческого акта. Вскрыта связь данных оценок с яркой «словоцентричностью» русской культуры.

Ключевые слова: *традиционная культура, диалект, речеповеденческий предикат, профанная речь, перформатив.*

1. Homo loquens. Человек, будучи существом говорящим¹, сопровождает речью все акты интеракции, и вполне очевидно, что подлинное взаимодействие между людьми без речи вообще невозможно. Однако доля речевого компонента в структуре той или иной деятельности регулируется национально-культурными нормами. Впервые, видимо, внимание к этому привлек в 1952 г. К. Леви-Стросс: «Во время дискуссий ни разу не рассматривалась проблема конкретного отношения какой-либо культуры к ее языку. В качестве примера обратимся к нашей цивилизации, где речью пользуются, так сказать, неумеренно: мы говорим кстати и некстати, нам достаточно любого повода, чтобы выражать свои мысли, задавать вопросы, комментировать... Это злоупотребление языком совсем не универсально,

---

¹ Большинству этнических культур известна глубоко архаичная оппозиция тишины (молчания) и звука (речи), которые выступают в качестве атрибутов соответственно мира чужого, нечеловеческого, мертвого и присвоенного, человеческого, живого. Многие создаваемые человеком звуки и шумы имеют функции символов, и особенно сильно семиотически нагружены элементы «голосового поведения» [1] (см. также работы А.К. Байбурина, С.Е. Никитиной). Оппозиция «речь / молчание» важна для самых разных ритуальных практик: это и необходимые речевые компоненты обряда, и запрет на его звуковое сопровождение (вплоть до полной тишины), и запрет отзываться на звучание во время тех или иных магических действий: *А можно и так вылечить. Я-то не знаю [точно]. Молчанну воду [для этого надо взять]. Молчать надо. Сходить на реку и процедить от на пороге и этим умывать. И она не будет тосковать. Молча чтобы. Ни с кем, ни с кем не говорить. И так пройти, вот так. Человек скажет [что-нибудь], что попадѣт стречу-то, а ей молчать надо. Вот это молчанна вода. Да-к молчанну воду можно попозже принести.* (Без указания локалов приводятся текстовые примеры, взятые из Среднеобского диалектного архива Томского государственного университета (1947–2016 гг.), остальные снабжаются указанием на ареал функционирования говора). Ср. еще один текст: *Собирать-то её [лекарственную траву] далѣко от деревни, чтоб петухи не опедали [не лишили силы своим пением], тогда она толькѣ поможет* (среднеурал.).

оно встречается не так уж и часто. Большинство культур, называемых нами первобытными, часто пользуется языком весьма бережливо. Там не говорят где попало и о чем попало. Словесные выражения там часто ограничены предусмотренными обстоятельствами, вне которых к словам относятся экономно» [2. С. 64]. Глава структурализма, как видим, поставил вопрос в диахроническом ключе, сравнивая стадияльно различающиеся культуры, но и на синхронном срезе подобные отличия оказываются существенными, о чем позже писал Д.Х. Хаймс [3].

Вместе с тем следует учитывать, что на национально-культурных нормах речевого поведения сказываются и конфессиональные постулаты. Т.И. Вендина [4] настаивает на том, что русская элитарная культура и народная традиция, т.е. отечественная культура, взятая как универсум, формировалась не просто под влиянием христианской этики Средневековья, но конкретно кирилло-мефодиевского наследия. На этом же основании В.Н. Топоров [5] отмечает «словоцентричность»¹ славянского мира Средневековья, который, впрочем, не был абсолютно монолитным, и Н.Б. Мечковская [6] противопоставляет «словоцентричности» русских «недоверие или равнодушие к слову» белорусов.

С другой стороны, в восточнославянском ареале столетиями ощущались отголоски исканий и учений раннехристианских гностиков и мистиков, была воспринята духовная практика исихазма. «Византийские, афонские и киеворусские исихасты отказом от говорения, речения, «слова будничного» аскетически и эстетически приближались к сакральному содержанию тишины, молчанию, внутреннему постижению Слова Божьего. Ведь произнесенное слово теряет свое метафизическое содержание, становится пустой звуковой оболочкой – *мысль изреченная есть ложь*» [7. С. 120]². В послевизантийский период исихазм стал феноменом культуры

¹ «Культуры соответствующего типа <...> ставят в своем начале Слово как высшую реальность данного модуса существования, поскольку оно, облекаясь плотью, воплощается в «разыгрываемом» им мире», – пишет В.Н. Топоров [5. С. 5]. Симптоматична рецепция древнерусским языком греческих калек: *'αλοῦμα* → *безсловесие* 'неразумие, безрассудство', *'αλόωτος* → *безсловесно* 'неразумно, бессмысленно', *'άλογον* → *безсловесный* 'неразумный, бессмысленный'. Ср. уже русские переводы данных церковнославянизмов: *Ω немже извѣстное что господину не имамъ: тѣмже и приведохъ его предъ васъ, наипаче же предъ тя, Агриппо царю, яко да разсужденію бывшу имамъ что писати: Безсловесно бо мнитсѧ ми, посылающе юзника, а вины, яже нань, не сказати* (Деян., 25, 26–27). В Синодальном переводе (1862) для *безсловесно* выбрано наречие *нерассудительно*. Конструкция из 1-й песни Великого канона Андрея Критского (вторая половина VII в. – начало VIII в.) *Окаянная душе <...> останися прочее прежняго безсловесія разными переводчиками передается как воздержись от прежнего бессловесія / безрассудства / неразумія / безумія.*

² Ср. Пандекты Никона Черногорца (1296 г.): *Ихъ же житье есть безмольвно. И что иже сочтавшися Боу. Яремь мнишьскыи взяти. И сѣсти единомуу и молѣчати* (СДЯ. С. 127). В тексте Нового Завета прямо сформулировано и отношение к профанному слову (*Не входящее во уста сквернить чловѣка: но исходящее изъ оустъ, то сквернить чловѣка* (Мф., 15, 11); *Глю же вамъ, яко всяко слово праздное, еже аще рекуть чловѣцы, воздають ѿ немъ слово въ день судный: От словесъ бо своихъ оправди-*

как таковой – не только тех ее форм, которые принципиально не существуют без вербальной речи, как философия, литература, но и тех, которые опираются на несловесные коды, – живопись, архитектура [7]. Носители традиционной культуры в бесчисленных селах и деревнях России не были знакомы с догматами и принципами исихазма, разделяемыми в Оптиной Пустыни, Сарове, на Валааме, но основные конфессиональные тексты, бесспорно, были известны и неграмотным людям.

Так, например, в **повседневном** исповедании грехов¹ после общей формулы: *Исповѣдаю <...> вся моя грѣхи, яже содѣяхъ во вся дни живота моего, и на всякий часъ, и въ настоящее время, и въ прешедшия дни и нощи, дѣломъ, словомъ, помышлениемъ...* – перечисляются 23 вида прегрешений. Из них 5, трактуемы как грехи против ближнего и против себя самого, прямо связаны с речевым поведением. Это «празднословие», а также «прекословие», «оклеветание», «осуждение», «неправдоглаголение». Таким образом, под категорию греха подведены лживая, пустая и неуместная речи.

Если исходить из аксиомы, что лексически типизируются в первую очередь отступления от всех норм и идеалов – от уровня телесного, плотского до уровня душевного и духовного, то показателен набор концептов русской лингвокультуры с именем «слово»: БЛАГОСЛОВЕНИЮ противостоят БАСНОСЛОВИЕ, ГОЛОСЛОВИЕ, ЗЛОСЛОВИЕ, МНОГОСЛОВИЕ², ПРАЗДНОСЛОВИЕ, ПРЕКОСЛОВИЕ, ПУСТОСЛОВИЕ, СКВЕРНОСЛОВИЕ, СЛАВОСЛОВИЕ³, СРАМОСЛОВИЕ, СУЕСЛОВИЕ⁴, а так-

ишия и от словесъ своихъ осудишися. (Мф., 12, 36–37); *Аще кто въ словѣхъ не согрѣшаетъ, сей совершень мужъ, силенъ обуздати и все тѣло.* (Иак., 3, 2); *Молящися же не лишше глаголите, якоже язычници: мятъ бо, яко во многоглаголаніи своемъ оуслышани будутъ* (Мф., 6, 7)), и отношение к слову сакральному (*Аще вы пребудете во словеси Моёмъ, воистину оучницы Мои будете* (Ин., 8, 31); *Отметайся Мене и не пріемляй глаголь Моихъ имать судящаго ему: слово, еже глахъ, то судитъ ему въ послѣдній день* (Ин., 12, 48); *Всяко даніе блго и всякъ даръ совершень свыше есть, сходяй от Оца свѣтовъ <...>. Восхотѣвъ бо породи насъ словомъ истины, во еже бытии намъ начатокъ нѣкій созданіемъ Его* (Иак., 1, 17–18); *Порождени не отъ сѣмене истлѣнна, но неистлѣнна, словомъ живаго Бога и пребывающа во вѣки* (1 Пет., 1, 22)). Вторую семантическую линию поддерживает еще одна греческая традиция: *Слово* – обозначение Бога (второй ипостаси Троицы – Бога Слова, воплощенной в Христе). Так, ЛСВ *Слово* ‘о Христе’ фиксируется не только в САР (1789–1794), но и спустя век в словаре В.И. Даля (1880–1882): «В Евангл. толкуется ‘Сын Божий; истина; премудрость и сила’».

¹ Грех, с точки зрения православной церкви, – это деяние, недостойное христианина, некая болезнь души. Строгой классификации грехов в православии нет.

² МАС дает другое имя этого концепта – МНОГОРЕЧИВОСТЬ, а РСС – МНОГОГЛАГОЛАНІЕ с пометами «устар.», «ирон.», РАЗГЛАГОЛЬСТВОВАНІЕ с пометами «разг.», «неодобр.».

³ За исключением ЛСВ, который в терминосистеме православия обозначает высшую форму молитвы.

⁴ Функциональную нагруженность данной деривационной модели в целом ярко раскрывает вокабула ПУСТОСЛОВИЕ из СРЯ: *Ниединая истинныя рѣчи иматъ <ь> отъ звѣдословія и поустоинословія* [вар. по семи спп. XV–XVIII вв. «пустословія»] (*μυθολογίας*) и *ω<т> басньнословія твоег<о>* (*τὸ... μυθολόγημα*) Хрон. Г. Амарт., 83.

же СЛОВОБЛУДИЕ¹, СЛОВОИЗВЕРЖЕНИЕ, СЛОВОПРЕНИЕ и СЛОВЕСА². (Ср. нейтральность не столь многочисленных научных понятий типа *богословие, послесловие, предисловие, сословие*, а также *словоизменение, словообразование, словосочетание, словоупотребление, словоформа*). «Это восприятие вошло в плоть и кровь русской культуры, превратилось в ее повседневный компонент, определяющий ее жизнь», – полагает Т.И. Вендина [4. С. 39]. Справедливость такого вывода не раз подтверждали «высокие тексты» национальной литературы. Например, оно преломилось в каждом известном из школьной программы пушкинском противопоставлении *грешного языка, и празднословного, и лукавого, языку, предназначенному пророку, чтобы жечь глаголом сердца*. Отзываются ли, отсвечивают ли эти этические постулаты в «низких текстах», порождаемых в повседневной жизни носителями традиционной [речевой] культуры, социальную базу которой всегда представляло крестьянство?

2. Коммуникативная этика. Речевые нормы, свойственные диалектным коллективам, или «языковым сообществам» (по Л. Вайсгерберу)³, описаны О.Ю. Крючковой, Р.Ф. Пауфошимой, С.Е. Никитиной, Е.В. Иванцовой, Р.Н. Порядиной и др. Однако прежде всего следует назвать работы В.Е. Гольдина, предложившего сам термин «традиционная сельская культура речевого общения» и обратившегося к «месту речи в составе деятельности и характеру рефлексии диалектоносителя над речью» [8]. Основные положения, развиваемые В.Е. Гольдиным, кратко можно передать следующим образом. «Злоупотребление языком» (в терминах К. Леви-Стросса) у носителей традиционной культуры ограничено рядом установок:

(1) знания, сформированные непосредственной предметно-практической деятельностью, считаются более достоверными и важными, чем полученные в дискурсивной практике (исключая фольклорные и сакральные тексты)⁴;

XIII–XIV. Пустословлю, -ие (*βαττολογία*). Влх. Словарь, 101. XVIII в. [СРЯ, также см. СДЯ вокабула БАСНЬНОСЛОВИЕ].

¹ Второе имя концепта ЯЗЫКОБЛУДИЕ при отсутствии в МАС зафиксировано в ОСРЯ и Д.

² РСС дает значение ‘многословная и бессодержательная речь’ с пометами «устар.», «ирон.» и помещает связанное выражение НЕДЕРЖАНИЕ СЛОВЕС ‘неудержимое многословие’ с пометой «ирон.»

³ Этикет регламентирует разные стороны коммуникативного акта, начиная с круга допустимых собеседников (*Только увидела, так и заговорила. А это нельзя. Надо только со знакомыми разговаривать*) до способов апелляции к ним (*Я их навелцивала [называла по имени и отчеству], и пускай меня навелцивают*) и тактик развертывания темы (*Поговорят про чё-нибудь. Всё наплетут. Сперва же сыздаля, не сразу, а помаленьку; Вот, старуха, я тебя когда хвалю, придакывать надо*) и речевых жанров (*За здешнего выходила, сватали меня, сватали. По-простому и рассказать надо*).

⁴ *От боталы ничё доброго не позншиь* (забайк.); *От такой барабнц ничего путного не узнаешь* (владимир.). *От набрѣханного [научившегося складно говорить] человека правды не жди* (сарат.).

(2) плоды стереотипного жизненного опыта не требуют развернутого речевого выражения¹;

(3) правдивость (искренность) нуждается в постоянной декларации, в специальных показателях данной речевой стратегии² [10].

Вместе с тем представляется, что последний тезис требует некоторой оговорки. В русской традиционной культуре, конечно же, действует наднациональный общеэтический запрет на сознательное говорение неправды. Вместе с тем ее установки, дискурсивно развернутые в паремиях, амбивалентны, а иногда асимметричны (*Было бы кому врать, а слушать станут; Не хочешь слушать, как люди врут, ври сам; Люди врут – только спотычка берет, а мы врем, что и не перелезешь; Что меньше врется, то спокойней живется; Вранье не введет в добро; И враньем люди живут да еще не ухваляются*).

Нормативные ориентиры крестьянского сообщества далеко не во всех ситуациях приветствуют выражение, обнародование что называется «в глаза» своих сомнений в правдивости информации собеседника. Показательны записи, сделанные диалектологами задолго до работ Дж. Лича и Г.П. Грайса, в которых информанты фактически формулируют максимум согласия (*Придакивать должны. Тот плохой человек, который не придакиват... Придакивай, хто и врёт* (с. Трубачево Шегарского р-на Томской обл. в 1958 г.) и максимум качества и релевантности информации (*Буробить лично я не могу, а правду и по делу говорить люблю* (с. Рыбалово Кривошеинского р-на Томской обл., 1959 г.).

Однако конвенции и нормы той или иной культуры относительно вербального поведения бытуют не только в дискурсивном развертывании³, они предсказуемо «закодированы» в глаголах, именах и сверхсловных единицах (перифразах), обозначающих речевую деятельность в целом и отдельные речевые акты, как, например, *придакивать* и *болтать* в приведенных выше примерах. Такие лексемы-дескрипции разных аспектов вер-

---

¹ В псковских говорах функционирует фразеологизм, включающий дериват глагола *баяти*, – *и бай сломан (сломался)* со значением ‘нечего и говорить’ (К). Данная норма, впрочем, имеет свои отголоски и в иных дискурсивных практиках начиная от пушкинского *К чему рассказывать, мой сын, чего пересказать нет силы?* – до положения из 7-го раздела «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать» [9. С. 73].

² В целом это противоречит заповеди, неоднократно сформулированной в текстах Нового Завета: *Паки слышасте, яко рѣчено бысть древнимъ: не во лжу кленешися, воздаси же Госди клятвы твоя. Азь же гю вамъ не клитися всяко <...> Буди же слово ваше: ей, ей, ни, ни: лишше же сею от неприяни есть* (Мф., 5, 33, 34, 37); *Прежде же всѣхъ, братіе моя, не кленитесь ни нбомъ, ни землею, ни иною коею клятвою: буди же вамъ еже ей, ей, и еже ни, ни: да не въ лицемѣріе впадете* (Иак., 5, 12).

³ Этику ответственности, сопряженную с речевым поведением в сфере современно-го научного дискурса, в 2014 г. постулирует Л.О. Чернейко, рассматривая примеры извинений по поводу речи (метаизвинений) [11]. Но этот аспект разработан и в диалектной культуре: *Бахало и есь бахало, я сижу с суседкой разговариваю, а он: «Хва-тит болтать». Мне-ка неудобно за его стало* (тюмен.).

бальной передачи информации группируются исследователями по нескольким основаниям ([12–14]; см. также (ТСРГ)).

3. Предикаты профанной речи. Данная статья сосредоточена на сегменте глагольной лексики, который представлен агентивными (поведенческими) предикатами речи, сопряженными с этическими моментами¹. Н.Б. Мечковская встраивает их в очень широкое понятие «метаязыковые глаголы, обозначающие процессы устного общения» [12]. Для учета действительного фона в 1992 г. предложила свои термины Н.Д. Арутюнова – речеповеденческие предикаты, которые «характеризуют и содержание высказывания со стороны его истинности, и говорящее лицо со стороны совершенного им действия» [15. С. 588]. В более поздней ее работе добавлен важный для нас тезис: «Истинностная оценка выражается преимущественно грамматически (модальностью), этическая – лексически» [16. С. 572].

В древне- и старорусских памятниках, т.е. в «высоких текстах», речевые акты, обозначенные глаголами говорения² по параметру истинности, могли маркироваться несколькими способами. На лексическом уровне «раздельнооформленно» данную характеристику эксплицировали существительные в В.п. в функции дополнения *правда, истина, лжа / ложь, неправда*, а также наречия *право, неправо, истинно, лестно, по криву, хульно* и т.д. Аналогично обозначались бессмысленность, пустота или же непотребность сказанного [18], вновь подпадающие под негативную этическую оценку. Кроме того, в этот период функционировали калькированные композиты с прозрачной внутренней формой, которые характеризовали содержательную сторону передаваемой информации и отчасти ее количество (*велерѣчствовати, велерѣчевати*, ‘хулить, поносить’, ‘хвастаться’, *велерѣчить* ‘говорить много и красиво’, ‘пустословить’, *великорѣчевати*³ ‘быть многоречивым’, *злорѣчити, злословити, злословесити, злословесовати, злызычествовать* ‘злословить, клеветать’ [18], *пусторѣчити* ‘вести пустые разговоры’, *пустословити* ‘пустословить’, *пустоинословити* ‘говорить пустое, празднословить’ [СРЯ]). К настоящему времени они, за исключением *злословить*, в русском языке устарели.

Что касается профанной устной речевой коммуникации (за пределами фольклорного и обрядового дискурса), которая заполняет пространство

¹ Все прочие глаголы, обозначающие артикуляционные особенности говорения типа *басить, бубнить, шепелявить* или эмоциональные состояния говорящего типа *брякать, бурчать, цедить*, остаются за рамками исследования.

² «Основных» глаголов *dicendi* в славянских языках насчитывается не более десятка. Все они принадлежат к древнейшему праславянскому фонду <...>. Показательно, что большинство этих глаголов являются деноминативными, и, следовательно, столь важное отличительное свойство человека, как способность говорить, и сама «деятельность» говорения не имели в праславянском собственного обозначения, кроме **rekti*» [17. С. 173]. В древнерусских и старорусских письменных памятниках зафиксированы глаголы речи *бесѣдовати, глаголати, говорити, казати, молвити, повѣдати, повѣстити, речи / реци, съказати* [18], а также содержащие отсылку к речевому жанру *отвѣцати, проповѣдати, славити, ругатися, оукорити* [19].

³ Данный глагол в [18] не рассматривается, его приводит СДЯ.

повседневности, сопровождает обыденную жизнь, порождая «низкие» тексты, то ее веками обслуживали и отчасти продолжают обслуживать и сегодня бесчисленные говоры русского языка. Хотя для них характерны иные предикаты речи, вполне очевидно, что «речеповеденческие» глаголы находятся в зоне «актуального внимания», в «фокусе» традиционной культуры. Доказательством выступает высокая номинативная плотность этого участка лексической системы в любом говоре¹.

Выборка основного материала исследования сделана из 2-го (*Б – Блазниться*) и 3-го (*Блазничка – Бяиутка*) томов сводного СРНГ. Она дополнена данными Среднеобского диалектного архива и материалами, введенными в научный оборот указанной в статье литературой и рядом региональных словарей. Опираясь на тезис С.М. Толстой об «общей когнитивной (смысловой в широком понимании) основе диалектов одного языка»² [20. С. 115], мы получаем открытую лексическую группировку, образованную (а) общерусскими глаголами, (б) территориально ограниченными глагольными единицами русских народных говоров, а также (в) функционирующими в них диалектно-просторечными глаголами.

Она представляет собой репрезентативный для решения поставленной задачи, хотя и искусственно ограниченный алфавитным порядком пласт предикатов, объединенных интегральной семой ‘говорить’, ‘сообщать что-либо (сведения, мысли и т.д.) посредством речи’ и семой адресативности [13] (подчеркнем, что для многих глаголов характерны и экспрессивно-оценочные семы). Дифференцированы данные единицы разноуровневыми семантическими компонентами, отражающими оцениваемое с точки зрения морали содержание и качество информации. Основания их классификации в целом можно свести к двум оппозициям: «соответствие / несоответствие сообщаемого действительности» и «содержательность / бессодержательность сообщаемого».

Указанные параметры противопоставления выделены с опорой на дефиниции региональных диалектных словарей, фиксирующих состояние русских говоров преимущественно во второй половине прошлого столетия, и сводного СРНГ. Последний опирается на широкий круг источников сер. XIX–XX в. Часть помещенных в него материалов была уже осмыслена и описана лексикографами, другая выбрана из первичных записей живой диалектной речи, которые сделаны весьма различающимися по профессиональным навыкам собирателями. В результате авторский коллектив СРНГ признал, что «во многих случаях трудно определить, имеем ли мы дело с оттенками значения или же наблюдатели по-разному сформулировали од-

---

¹ См. вышедшие в последние годы работы Л.А. Ивашко, Т.И. Вендиной, Ю.А. Бессоновой, Н.И. Ершовой, Н.Ю. Баженова, Ж.К. Гапоновой, Ю.А. Ермолаевой и М.А. Короткевич, О.А. Чупряковой и С.С. Сафоновой и др.

² Аналогичную точку зрения исповедует и авторский коллектив СРНГ: «Объединение в одной словарной статье разрозненных по разным говорам значений диалектного слова оправдывается единством происхождения этих значений и развитием их в рамках общей системы русского языка» [СРНГ. Т. 1. С. 12].

но и то же значение. Нередко также в источниках оттенки значения отделяются друг от друга неотчетливо <...> нет уверенности в том, что за разными формулировками определения значений не скрываются реально существующие значения или их оттенки» [СРНГ. Т. 1. С. 13]. При этом способы семантизации лексем в СРНГ оказываются довольно разнородными, что будет показано дальше.

4. Оппозиты по достоверности. Итак, самую малочисленную из полученных нами групп создают глаголы, у которых в толковании эксплицирована только архисема речевой деятельности и не указаны компоненты, которые маркировали бы достоверность / недостоверность передаваемой информации. (Впрочем, в разных говорах современного русского диалектного континуума их семный состав может не совпадать.) Это диалектные и диалектно-просторечные единицы *бавить*, *базлать*, *баить*, *байкать*, *бакать*, *бакудить*, *бакулить*, *балакать*, *балаять*, *бахорить*, *бачить*, *баюнить*, *баять*, *бормотать*, *брехать*, *буровить*, *бякать*¹. Они вербализуют немаркированный полюс первой оппозиции, т.е. сообщение «правды». Такое речевое поведение трактуется культурой как типичное, обыкновенное, рядовое, нормальное, привычное, ожидаемое.

Перечисленные предикаты описывают профанную речь, передачу невысоко оцениваемого с точки зрения его важности содержания. *Вчера сидим бормочем. Она пришла. Долго бормотали, потом сели ужинать* (Пар. Гор. 1959). Аналогичные примеры употребления можно встретить в опубликованных записях практически любой диалектной системы: *Ой, долго мы с тобой бормотали* (амур.); *Вечером баба на лавочке со старушками балакает* (амур.); *На вечёрках девки вяжут, а ребята балакают с имя* (амур.); *Сидели, балякали до полночи* (алт.); *Мы, бывало, по всей ночи батялили* (краснояр.); *Байкали по деревне, что зямлю надо вновь делить* (смол.); *Садись, бахорь* (киров.); *Забегайте бахорить-то* (перм.); *Это так народ брехает* (новг.); *Ён, бавют, приде домой* (псков.). *Набаял ты дядя, мне диковинок-то три короба, да у тебя три дни слушать дак не переслушать* (перм.). Как видим, данные диалектные глаголы речи оказываются семантическими аналогами функционирующих во всяком говоре наиболее частотных общерусских предикатов *говорить*² и *рассказывать*, а также устаревшего в литературной подсистеме глагола *сказывать*.

¹ Группа «сжимается» и за счет того, что единицы постепенно уходят в пассивный фонд. Приведем запись, сделанную в 1960 г. в селе Максимкин Яр Верхнекетского р-на Томской обл.: «Я ему *бачил*, он не послушал», – *молоды так не говорят, стары так говорят*.

² По мнению И.И. Макеевой, *говорить* и *сказать* обрели свою высокую частотность «после и в связи» с утратой *речи / реци* и *глаголати*. В восточнославянской письменности в канонических, церковно-учительских источниках предикат *говорити* не употреблялся. Секулярный статус привел к его широкому распространению уже к XVI в. [18]. Лексема *сказати* начала появляться в письменных светских текстах с XIV в., однако при обращении автора к строкам из Библии или словам святых по-прежнему использовались словоформы, образованные от *речи / реци* или *глаголати* [19].

Выделенным оппозитом выступает говорение чего-либо неистинного или лживого, т.е. отступление от этической и коммуникативной общечеловеческой нормы «правильной» коммуникации (П. Грайс, Д. Гордон и Дж. Лакофф, Дж. Лич, Н.Д. Аругюнова, Г.А. Копнина, Л.Е. Тумина и др.). Впрочем, ненамеренное¹ искажение подлинного, настоящего положения дел, считаясь ошибкой, оплошностью, невольным заблуждением или неосведомленностью, незнанием, не подпадает под этическую регуляцию. Умысел же сказать неправду (мотивируемый самыми разными причинами: малодушием, страхом, опасениями или же более существенными в повседневной коммуникации тщеславием, завистью, неприязнью, жадностью, выгодой и т.д.) меняет все, и такое речевое действие мораль расценивает как недостойное, порочное, гнусное, а религия – греховное².

Полученное лексическое множество предикатов «сообщения неправды» оказывается более внушительным. Характеризуя его, отметим, что восходящий к и.-е. корню **leugh-*, **lugh-* глагол *лгать* с его довольно узким семантическим объемом в диалектном дискурсе остается практически невосребованным (красноречиво выглядит, например, его отсутствие в полных по типу среднеобских ВС и ПСДЯЛ).

Зато общерусская лексема *врать* функционирует в нем активно. К.Г. Красухин [21] полагает, что исходным ее значением было ‘колдовать словом, предсказывать’, затем развивается ‘болтать, говорить не то, что должно’, а пейоративное значение ‘лгать’ имеет довольно позднее происхождение³. В словнике СДЯ глагола *врати* нет, СРЯ датирует помещенный контекст *А онъ мужикъ очонной вретъ и самъ себѣ не вѣдаетъ* 1578 г. и формулирует лексическое значение глагола как ‘говорить вздор, пусто-

---

¹ Намеренное, но не злонамеренное искажение информации не преследует получения выгоды. Отступление от истины ради забавы, потехи, развлечения коммуникантов – это балагурство. Оба семантических компонента красноречиво объединены в СРНГ при семантизации фраземы *балагуры разводит* ‘шутить, врать’, синонимичные обороты: *балясы (балясины) разводит*, *балясы точит*, *балы точит*, *балагуры вести*. В говорах функционируют и глагольные универбы: *балберить*, *балберничать*, *балантрянсить*, *балантрянсничать*, *балентрянсить*, *балентрянсничать*, *балясать*, *балясить*, *балясничать*, *бакулить*, *бахвалить*: *Пойдешь в магазин – балагурит, рассказывает; Да всего с час и балантрянсили, а потом каждая по своим делам ушла, дак чѣ, только умные разговоры вести?* (краснояр.).

² Впрочем, в новозаветной трактовке неправдаглаголание не причислено к смертным грехам: *Всяка неправда грѣхъ есть, и есть грѣхъ не къ смерти* (1 Ин., 5, 17). В народной культуре связь пустых и лживых речей с категорией греха парадоксально просматривается даже в самом факте ее отрицания. Ср.: *Грешно от Бога брякать языком (Л); Да и не грех, если балентрянсничали, чѣ им всё брови супить, [ведь они] молодые* (краснояр.).

³ Показательно, что этот путь семантического развития не чужд и глаголу *бузить* (в результате они оказываются, в терминах С.М. Толстой [22], парадигматическими партнерами): в пермских, уральских, тюменских говорах он имеет значение ‘лгать, обманывать’ (*Я бузить зря не буду* (тюмен.); *Я не модцска была, бузить не буду* (тюмен.)), в амурских – ‘заговаривать, колдовать’ (*Один раз мне пришлось к бабке обращаться. Она бузила, бузила там чѣ-то, я уж и не помню. После этого мне лучше стало* (амур.)).

мелить'. САР фиксирует уже *врать* и *вракать* (снабжая последний вариант пометой «простонародное») в 3 ЛСВ: (1) 'суесловить, пустословить, болтать, говорить что на ум попадет'; (2) 'лгать, сказывать то, чего совсем не бывало'; (3) 'непристойное рассказывать о ком-либо'.

В.И. Даль приводит самый широкий список предосудительных в разной мере коммуникативных целей, обозначаемых этим предикатом, и изменяет приоритетность лексических значений и их оттенков: 'лгать, обманывать словами, облыжничать, говорить неправду, вопреки истине; говорить вздор, небылицу, пустяки; пустословить, пустобаять, молоть языком, суесловить; хвастать, сказывать небывальщину за правду'¹. То, что перечисленные значения могут до сих пор оставаться актуальными в некоторых говорах, показывает запись, сделанная в 1975 г. в селе Цыганово Зырянского р-на Томской обл. от Евдокии Ивановны Бабенко (1901 г.р.): *Каждый дома прял, а молоденькими на посиденки бегали. Но прялки не таскали – тяжело. Больше [там] вышивали. Соберёмся, баясы точим, а не работам. Один врёт, другие слушают*². *Откупали у кого-нить специально избу. Заплотим, тогда уж каждый вечер ходим.* Ср. ответы, полученные томскими диалектологами с интервалом в 20 лет: *Я тверёзова ничё не напою. Надо вытить, тогда заврუსя не знаю чё* (с. Кожевниково Кожевниковского р-на Томской обл., 1963 г.); *Ну чё вам наврать? Мне кажется, и до войны жись была неплохая* (п. Нарга Молчановского р-на Томской обл., 1984 г.). Данные примеры вполне соотносимы с крыловским прецедентным текстом: *И тот дурак, кто слушает людских всех врак* (1815), где *враками* названы 'не внушающие доверия рассказы, выдумки, небылицы', но никак не 'ложь'.

Наконец, и МАС формулирует лексическое значение и его оттенок (употребление) *врать*₁ 'говорить неправду; лгать' || 'говорить вздор, пустяки; болтать'. (ЛСВ *врать*₂ 'фальшивить, ошибаться (в пении, музыке)' и *врать*₃ 'неверно показывать, быть неточным' не являются речеповеденческими глаголами.)

В отличие от *врать*, глагол *баяти* сразу имел два исходных значения – 'говорить' и 'выдумывать'³. Именно к *баяти* от **ba-* или к праславянским

¹ Отметим, что убран 3-й ЛСВ, хотя в XX столетии СРНГ помещает вокабулы *врать* 'говорить что-либо неприличное, непристойное'. Луж. Петерб., 1871, и *врачить* 'говорить что-либо неприличное, непристойное' «Говорить скабрзности, делать намеками гнусные предложения» Шадр. Перм. [год и автор неизвестны]. Кроме того в этом лексиконе появляется ЛСВ *вракать*₃ в значении 'предсказывать будущее' Шадр. Перм. 1895.

² В.И. Даль фиксирует ЛСВ *проврался* 'проговорился'.

³ В говорах и сейчас встречается существительное *басня* в значении 'сказка': *Под Рождество, под Крещенье басни слушали* (прииртыш). СРНГ дает для него следующие локалы: Том., Влад., Новг., Смол., Калуж., Тамб., Курс., Ворон. Среднеобский фразеологизм *басни распускать* создан по общерусской модели *распускать сплетни, слухи, враки*: *Басни – а тоже когда врёт человек – сидит, басни распускает свои и болтает, что не следует. Ну про него и говорит [кто-нибудь], что вот, басни распустил.* Существительное *байка* словарь В.И. Даля толкует как 'побасенка, прибаска, сказочка, присказка' (без указания локала).

звукоподражаниям *balbol / *balbal/ *bolbol, *bъlt и др. А.Г. Преображенский и М. Фасмер возводят значительную долю русских предикатов неистинной, а также праздной и неуместной речи.

Помимо этого, в говорах сформировались метафорические универбы и связанные сочетания. Например, *базарничать* 'торговать на базаре' → 'проводить время в пустых разговорах' (прииртыш.), *балабонить* 'звонить в колокола' → 'пустословить, говорить пустяки, вздор' (курск.), *бараборить* 'звонить (о колокольчике для лошадей и коров)' → 'болтать, говорить вздор' (свердл.), *блавостить* (*благовестить*) 'оповещать колокольным звоном о начале церковной службы или о каком-л. важном событии' → 'сплетничать'¹ (тюмен.), *блеять* 'издавать бляение' → 'говорить неправду' (карел.); *боронить* 'рыхлить землю' → 'говорить вздор, глупости, пустяки' (волог., калуж., тул., перм., свердл.), 'лгать' (волог., сев.-двин.), 'сплетничать' (волог.), *боронить всякую борону* → 'вести пустые, ничего не значащие разговоры' (прииртыш.); *ботать* 'бить по воде, мутить, болтать воду' → 'лгать' (пенз., сев.-двин.), 'говорить вздор, чепуху' (краснояр.), 'напрасно тратя время, рассказывать' (амур.); *булькать* 'издавать характерные для жидкости звуки' → 'говорить пустяки, глупости' (перм., тюмен.) и т.д. органично дополняют просторечный слой сухих метафор типа *городить, заливать, молоть, плести, собирать, травить, трепать(ся)*.

Диалектные и диалектно-просторечные глаголы, в толкованиях которых авторы СРНГ эксплицируют дифференцирующие и уточняющие семантические компоненты 'ложь', 'неправда', 'обман', 'наговоры', 'клевета', условно распадаются на группы 'лгать' и 'сплетничать'. Второй речеповеденческий акт подразумевает распространение (*распускание*) слуха, основанного на заведомо неточных или неверных, вымышленных сведениях, направленного на кого-л. в стремлении очернить.

Некоторая условность разделения глаголов на данные группы объясняется тем, что их семантическое толкование в словарях не выдерживает какого-либо строгого формата. Например, первые согласно алфавитному порядку единицы из полученной нами группы 'лгать' описаны в СРНГ следующим образом: *базлать 'врать'*. Барнаул., Том., 1919; *балабоишить 'говорить пустяки, врать'*. Калуж., 1905–1921; *барахвостить 'врать, говорить вздор, небылицы'*. Волог., Свердл. Помимо них, данная группа включает предикаты: *баламутить, барандать, батить, батыжить, бахать, баишить, ботать, брандахлыстить, брендить, брехать, бреишить, брусить, брухатъ, бручить, брякать, брянчать, бузить, бузовить, буробить, буровить, бутить, буторить, бухать, бухвостить, бухорить, бухтерить, бухтить* и сверхсловные связанные единицы *басни распускать, барабару нести, балы точить, бухтину сказать*.

Сходным образом выстроены словарные дефиниции глаголов из группы 'сплетничать': *балаболить 'сплетничать'* Даль [без указ. места]; *балаганить 'наговаривать на кого-л.'* Свердл., 1964; *балухвостить 'пусто-*

¹ МАС при этом ЛСВ дает пометы «разг. устар.».

словить, сплетничать'. Тамб., 1850. У формальных вариантов *балентресить*, *балентрясить* СРНГ фиксирует два значения: (1) 'говорить, болтать о пустяках, вести несерьезный разговор'. Вят., Перм., 1834, Свердл., Арх., Волог., Новг., Твер.; (2) 'сплетничать'. Арх., 1961, Свердл. Данную группу представляют также лексемы: *бабничать*, *балаболить*, *балаганить*, *балагурить*, *балухвостить*, *барахвостить*, *баруздить*, *басничать*, *бахвостить*, *блавостить*, *благовестить*, *боронить*, *брандахлыстить*, *брехать*, *бреишить*, *брязжать*, *бурохвостить*, *бурусить*, *буторить*, *бухвастить*, *бухвостить* и ряд фразеологических оборотов, например: *басни разводить*.

5. Оппозиты по содержательности. Второй этический параметр оценки информации – это ее содержательность (МАС трактует данное понятие как 'большой внутренний смысл'). Положительный полюс оппозиции и здесь предсказуемо оказывается лексически не типизированным, противоположный же – отмеченным многочисленными специальными единицами. В зависимости от ядерных семантических компонентов здесь могут быть выделены группы 'говорить вздор, глупости' и 'пустословить'. Их близость и взаимосвязь в поле русского этического сознания ярко показана в СРНГ при семантизации предиката *балабонить*. Стоит привести ее полностью: 'пустословить, говорить вздор, пустяки, шутить, болтать'. Ряз., Тул., 1820, Курск., Калуж., Брян., Влад., Волог., Олон., Свердл. В целом, однако, пустословие и неумная, нелепая, абсурдная информация разнятся.

Глаголы, которые обозначают передачу последней, имеют в лексическом значении семантические компоненты 'глупости', 'вздор', 'чепуха', 'ерунда', 'нелепица', 'небылица'. Полученная группа состоит из предикатов *базарничать*, *балаболить*, *балабонить*, *балабосить*, *балабошить*, *балакать*, *баламонить*, *баламотить*, *балантрысить*, *балботать*, *балентресить*, *балентрясить*, *балмошить*, *балобонить*, *балякать*, *балясничать*, *бакулить*, *барабонить*, *бараборить*, *барабошить*, *бармить*, *баруздить*, *барячить*, *басалаить*, *благолить*, *блекотать*, *болонить*, *боронить*, *боталить*, *ботать*, *бредить*, *бринчать*, *брусить*, *брякать*, *брякотать*, *бубнить*, *бузать*, *бузгать*, *бузить*, *булюбенить*, *буровить*, *бурузнить*, *буторить*, *бухтеть*, а также фразеологизмов *барабару нести*, *бить языком*, *брякать языком*.

Наконец, бессодержательная, ничтожная, пустая, пустячная, несерьезная, не стоящая внимания (и в известной мере излишне многословная) информация «закодирована» русским языком наиболее последовательно. В его литературной подсистеме при этом нередки примеры частеречного параллелизма, что еще раз подтверждает значимость для русского лингвокультурного сообщества попираемой нормы: *пустословить* – *пустословие*, *пустозвонить* (разг.) – *пустозвонство* (разг.) – *пустозвонный* (разг.), *празднословить* – *празднословие* – *празднословный*, *суесловить* (устар.) – *суесловие* (устар.) – *суесловный* (устар.), *суемудрие* (устар.), *болтать* – *болтовня*, также нарушение нормы стоит за номинациями *словоблудие* (книжн., пренебр.), *многоглаголание* (устар. и ирон.) *многословие*, *многоречивость*.

Группа собственно диалектных и диалектно-просторечных предикатов со значением ‘пустословить’ (‘болтать’) оказывается чрезвычайно многочисленной: *базальничать, базюкать, байболить, байборить, бакулить, бакульничать, балаболить, балабонить, балабосить, балабошить, балагонить, баламотить, баламутить, баландать, баландить, баланить, балантресить, балантресничать, балантрысить, баласить, балберить, балдыкать, балендрясить, балентресничать, балетрясить, балить, балыхвостить, балякать, баянтрясить, балясить, балясничать, бамышить, барабать, барандить, басать, басить, белебелить, белебенить, белендрясничать, белентрясить, белентрясничать, блебетать, блекотать, блюзгать, блюзнить, бляндать, болботать, болкать, болмотать, болтословить, бормить, боронить, боталить, ботать, бренькать, брешишь, бруснячить, брякать, буробить, буровить, бурохвостить, бухтить*. Вновь встречаются фразеологизмы типа *балясы вести, молоть балаболу, балы распускать (строить)*. Способ их семантизации в СРНГ по-прежнему варьирует от приведения нескольких синонимов до односложного толкования. Например: *базанить ‘болтать, говорить о пустяках, переливать из пустого в порожнее’*. Волог., 1822, Твер., Перм., Сиб.; *базгальничать ‘пустословить’*. Пенз., 1852.

Нет сомнений в том, что древний синкретизм значений ‘facege’ и ‘dicere’ (см. работы К.Г. Красухина, Т.И. Вендиной, Н.Б. Мечковской и др.)¹ в славянском мире постепенно сменился их жесткой оппозицией, которая многократно эксплицирована прецедентными текстами разного уровня – начиная с отточенной богословами устойчивой формулы *дѣломъ, словомъ, помышлениемъ* до бесчисленных вариантов фольклорных формулировок типа *скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; либо дело делать, либо сказки сказывать; кто словом скор, тот в деле не спор; складно бает, да дела не знает; не по словам судят, а по делам; от слова до дела сто перегонов; не все то творится, что говорится; говорит прямо, а делает криво; на словах – что на гуслях, а на деле – что на балалайке*. Интересно, что при семантическом толковании глагола *балагурничать* авторами СРНГ вслед за первоисточником середины XIX в. сохранено прямое противопоставление этих поведенческих актов: **‘балагурить, заниматься болтовней, а не делом’**. Орл., 1860. Концепт РАБОТА (ДЕЛО) предстает одним из центральных в крестьянской (народной) этической си-

¹ В новозаветных текстах можно встретить своеобразную переключку тезисов, отрицающих синкретизм ‘говорить’ и ‘делать’ (*Чадца моя, не любим словомъ ниже языкомъ, но дѣломъ и истинною* (1 Ин., 3, 18); *И все, еже аще что творите словомъ или дѣломъ, вся во имя Госда Иса Христа* (Кол., 3, 17)) и, напротив, утверждающих синкретизм ‘слышать’ и ‘делать’ (*В кротости приимите всажденное слово, могущее спти души ваша. Бывайте же творцы слова, а не точію слышателие, прельцающее себе самѣхъ. Зане аще кто есть слышатель слова, а не творецъ, таковый оуподобися мужу смотрящу лице бытія своего въ зерцалѣ: Оусмотри бо себе и отиде, и абіе забы, каковъ бѣ. Приникій же въ законъ совершенъ свободы и пребывъ, сей не слышатель забытливъ бывъ, но творецъ дѣла, сей блжень въ дѣланіи своемъ будеть* (Иак., 1, 21–25)).

стеме, и это, вероятно, вызвало обильное лексическое маркирование речеповеденческих актов говорения вместо работы, осмысляемого как безделье, бесплодная трата времени¹, а также стереотипность дискурсивного развертывания данной темы: *Мастер он болтает, а работать – погоди да помешкай* (прииртыш.); *Ботать можешь, а на работе тебя нету* (забайк.); *Он лясник, лясничать любит. Любит разговаривать. Он там пролясничат и делать ничё не будет* (татар.); *Сидел да балясил, мало наробил* (арх.); *Приедешь куды на вечер да колотыришь там. Весь вечер проколотыришь, рушник не напрядёшь. Вот я вчера носок связала, а сёдни проколотырила* (татар.); *Языком балабонит, а толку мало* (владимир.); *Боронят всяку борону, а дела не видать* (прииртыш.); *Брякала бы с вами, да робить надо* (тюмен.) *Ну, мужики, поговорили, побалантрясили, и за работу* (краснояр.); *Да всего с час и балантрясили, а потом каждая по своим делам ушла* (краснояр.); *По целым дням за жизнь размаячивают, [как будто] других забот не стало* (краснояр.); *Пора рабочая, бды разводить недосуг* (сарат.). Ср. помещенный в диалектном словаре контекст актуализации просторечного фразеологизма в речи носительницы говора: *В электричке едешь сорок пять минут, так чем баланду травить, лучше вышивать* (амур.). Истинностная оценка в семантике данных глаголов оказывается редуцированной, а актуальной становится квалификация самого акта говорения как непродуктивной, безрезультатной, бесполезной и потому недостойной деятельности.

Несмотря на то, что ложь и пустословие – это разные зоны этического поля, МАС, не признавая в семантическом объеме единиц *врать* и *болтать* общую сему ‘лгать’, довольно последовательно постулирует наличие у них сегодня общего смыслового оттенка ‘пустословить, говорить пустяки, вздор’, подаваемого через знак «||»². Указанное сходство семантики зафиксировано также для общерусских имен *вруша*, *врун*³ и *болтуша*, *болтун*; *враки* и *болтовня* в значениях ‘результат’ и нарушается только оппозицией $\emptyset \leftrightarrow$ *болтливый*: *А он говорит, этот хромой-то: «Вот залезли воровать <...> А у меня тамо-ка семь миллионов лежало». Неужели семь миллионов оставили здесь [в селе]? Врёт. Наверно, болтливый*. В контекстах актуализации диалектных и просторечных лексем независимо от

¹ *За балаканьем и время прошло* (курск.)

² Сходный тип развития полисемии демонстрирует предикат *трекать* со значениями ‘болтать попусту’ (свердл., ярослав., краснояр., новос., иркут., алт., перм., новг., мурман.) и ‘обманывать’ (свердл.).

³ СРНГ вскрывает регулярную полисемию диалектных отглагольных имен, которые либо образуют соотносительные по грамматическому роду пары, либо трактуются как существительные общего рода. Первый ЛСВ единиц *вракала*, *вракуша*, *вракушка*, *враля*, *враль*, *врасья*, *враха*, *врахотка*, *врач*, *врачка*, *врачун* определяется как ‘лгун, обманщик’, а второй, развивающийся прежде всего в севернорусских говорах, как ‘говорун, рассказчик, забавный пустослов, шутник’. ЛСВ ‘рассказчик’ не зафиксирован у лексем *врака*, *вракалка*, *вралина*, *вралю*, *вралья*, *вралюха*, *вралю*, *врасня*, *врачовка*. Лексемы *врач* (перм.) и *враль* (арх., псков.) имеют соответственно ЛСВ ‘сказочник’ и ‘сказочник в рыболовной артели’.

их частеречного статуса диффузия семантических компонентов 'лгать' и 'болтать' выражена сильнее: «*Чё попало так болтают. Уже трактор [будто бы] пустили*». – «*Да, врут*». – «*Так, чё попало треплют, ёлки*»¹.

Итак, анализируемые предикаты профанной речи отражают нравственный посыл традиционной культуры, обозначая аморальные отклонения от должной коммуникации с ее императивами достоверности, осмысленности и дозированнойности сообщаемого.

6. Стандартные коммуникативные цели (иллокутивные силы).

В пределах относительно компактных, сплоченных коллективов, какими являются диалектные языковые сообщества, отчетливо распределяются социокоммуникативные роли типа «молчун», «балагур», «сквернослов», «сплетник» и т.п. Местные обманщики, лгуны, вруны, брехуны, хлопущи, несамостоятельные, а также пустомели, ботала и балабоны известны каждому: *Да мужик не шибко самостоятельный, врёт, скажет, где огонь, а там вода; Врёт она. А я понимаю, что она така, несамостоятельна [способная лгать]; Чё-нибудь она может прибавить, то ли прихвастнуть, то ли как ли – ну, неправду сказать, может; Она <...> соберёт с полка, с лавок, где чё и не было – наврёт; Этот балабола всегда и на себя и на людей наговорит (олон.); Прокоп Петрович – вруша здоровый; Баба-то у Васьки – чистое трёкало, рот-от не закрывается (перм.); Ты не верь Ольке, он такой ведь брехало, только слушай, наговорит, что и в три короба не сложишь (волог.); Не наша ли барахвостиха тётка Орина тебе это всё набаяла-то? (волог.); Экая врасья, эта Анютка! (волог.); Грех сказать и*

¹ Об этом свидетельствуют и текстовые, и метатекстовые их актуализации:

Попова Екатерина Ивановна (1896 г.р.) с. Белый Яр Верхне-Кетского р-на Томской обл., 1978 г.: *Болтовня – болтун когда говорит. Болтун – он болтает о людях правду и неправду болтает.*

Арбузова Прасковья Ананьевна (1900 г.р.) с. Зырянское Зырянского р-на Томской обл., 1978 г.: *Ну, болтушей звали <...> Всё болтуша. <...> Ну, пустая, чё-нибудь врёт, она чё попало болтает, по-пустому всё.*

Вершинина Вера Прокофьевна (1909) с. Вершинино Томского р-на Томской обл., 1978 г.: *Болтушка он, прямо несамостоятельный [способный лгать]; Тац трепачики, не дай Бог, несамостоятельны люди.*

Коновалова Анфиза Филипповна (1918 г.р.) с. Белый Яр Верхне-Кетского р-на Томской обл., 1978 г.: *Болтовня – когда соврал что-нибудь, наболтал на человека. Такую болтовню и слушать не надо, а он болтат и болтат.*

Деулина Галина Александровна (1924 г.р.) с. Белый Яр Верхне-Кетского р-на Томской обл., 1978 г.: *Болтовня – когда один человек на другого наболтат, неправду всякую; Когда неправду говорят, говорят: «Дичь болтает», – чепуху всякую значит; Болтовня – болтун когда говорит. Болтун – он болтат о людях правду и неправду.*

Мартынова Мария (1934 г.р.) с. Баранакново Колпашевского р-на Томской обл., 1979 г.: *Болтунья – врёт, наврала. Наболтат. <...> Ну, чертовщину всяку болтат.*

Молокова Акулина Яковлевна (1920 г.р.) с. Зырянское Зырянского р-на Томской обл., 1988 г.: *По радиу болтают помозать престарельм <...> По радиу будут передавать. А что они нам? Деду сказали: «Дедушка, тебе квартира – два метра на кладбище». Всё равно уж. Хоть бы по радиу меньше болтали [про заботу о ветеранах]. Пусть бы не ввали. Да нам хоть бы и посадили [за такие смелые речи]. Нам всё равно уж.*

стыд утаить: она хлопат много (тюмен.); Девка-то ихна степенна, не любит болтать да врать, а брат – большой брякун. Братец-от сболтнёт и соврёт (тюмен.); Ты его не слушай, он барабоишка известный (краснояр.); Балабон он у нас (смол.); Да балоболка он первосортный, болтать только и умеет (талици.); Балаболка така эта баба, трепачиха, балаболит что попало (ленингр.).

В приведенных выше текстах оценка человека, даваемая «за глаза», выносится именно с точки зрения его привычного, устойчивого коммуникативного поведения. Грамматически это выражается формами 3-го лица «настоящего постоянного» или будущего времени глаголов *врать*, *болтать* и их синонимов: *Сегодня на сиверу медведя видал Ванька, говорил. Брешет чёрт (алт.); Славик, я не знаю, вчера, правда-неправда, рассказывает: «Я, гыт, не задевал его». Не задевал? А кто задел? Он чё-то врёт, так-то я думаю тоже; «Как неохота стариться! И мне уже за сорок и...» [сказал о себе односельчанин] Ага... А... бышино сказал, сорок пять [лет ему]. Как вроде бы с [19]53-го году – врёт он; Помню, как он врал нам про бредень; А я думаю, Сашка врёт, что они в кино пошли; А потом мне рассказывают: «Аксинья-то, гыт, врёт, что картошки утаишицди»; Может, он врёт. А я не знаю.* Актуальный же речеповеденческий акт (конкретное утверждение собеседника) чаще всего оценивается при помощи иных грамматических форм.

При этом императивные жанры¹, различаясь категоричностью волеизъявления, представлены эталонно краткими воплощениями:

«Веление (требование)»: *Не хлопай, бригадир уже пришёл (урал.); Да не ври ты, хлопуша, покос у тебя хороший (урал.); Не ври, всё любишь врать. Не ври, не ври!*

«Увещевание (с целью образумить)»: *Будет собирать-то, собирай больше² (урал.); Полно тебе балабоишить! Будет бараборить-то! (свердл.); Да полно тебе барахвостить-то! (волог.); Полно городить, врать-то! (новг.); Будёт вам баландать-то! (ворон.); Будет тебе барандать, что не местная (селиг.)*

«Урезонивание»: *Не хлупай хошь в глаза-те (урал.); Сиди уж, не собирай щё не надо (урал.); Не барүзди, щё не надо (свердл.); Ну уж не баци, пожалуйста (арх.);*

Индикативные жанровые воплощения вновь оказываются короткими, видимо, сильная этическая позиция не требует многословия:

«Обличение (обвинение, инвектива)»: *А это уж собираишь, ничё боле – не приезжала она (тюмен.); А барабару несёшь, мил друг (алт.); Сама не знаишь, что балабоишишь (тюмен.); Люди счас злые, как пойдут брехать,*

¹ Описываемые речевые жанры используются также при обличении пустословия и вздорности речи: *Чё ты боронишь-то, Марья! Ничё оне мне не плотят [за постой]. Студенты, дак чё с их взять? (тюм.); Полно буторить-то, говори лучше дело-то (волог.); Сиди не балабодь, говори по делу (тюмен.); Не базлиц пустого-то! (олон.); Что ты балабоишишь пустяки! (курск.)*

² Пример осложнен так называемым «побуждением к запрещаемому».

что было и чего не было. Раньше говорили и сейчас так говорят [в подобных обстоятельствах]: «Вот брехня, ты брешешь»; Брешешь ты всё: не так это было (краснояр.)

«Вопрос»: Ты вчера ломал черёмуху? Не врешь?; Ты наврала мне поди про Ленку?

«Риторический вопрос»: Что ж ты, хлопун этакой, врешь-то! Я ведь видела тебя там (урал.); Что ты врешь-то, вралина ты! (кольск.); Чё ты трёкаешь, трёкало? (урал.); Хлопушка ты, хлопуша, врешь, болтаешь, что же ты врешь, обманываешь? (амур.); Чё буровишь всяку ерунду? (тюмен.); Междворка-та, что брешешь? (брян.).

Как видим, данные примеры укладываются в реализацию тактики разоблачения неправды с ее так называемой «прерогативой слушающего» [15]. Грамматически она связана с красноречивыми формами 2-го лица и незначительной по объему периферией, представленной глаголами прошедшего времени, как в первичных диалогах: «У меня вот пять сынов». – «Чё **врешь-то**, чё **врешь**, откуда пять?» – «А как же: Василий, Константин, Николай, Пётр». – «Четыре!» – «Четыре и правда. Четыре сына». (Том. Верш. 1985); «Ну что **врешь?**» – «Я не вру». – «Да как же, нагольно-то [точно] наврала» (Галич. Костром. 1975), – так и в диалогах, воспроизводимых нарратором: «Чё, Прокоша, медвежонка убил?» – «Убил, – говорю, – в бору». – «А матуху-то не видал?» – «Никого больше не видал...» – «Чё **врешь?**» – «Да ничё не вру». (Шег. Кайт. 1966); Пришли два пулемётчика [колчаковских]: «Давай коня!» Старик говорит: «Конев у меня нету больше». – «**Врешь**, старик, у тебя серый конь большой есь. Сусед сказал». (Том. Верш. 1972).

Обратимся теперь к автореферентным конструкциям. Они возникают в пограничных между «присягой» и «характеристикой» текстах (конкретные реализации ближе то к одному жанровому образованию, то к другому), актуализуя отрицание в 1-м лице «собственно настоящего» времени индикатива, либо представляют собой риторический вопрос. Типичные примеры из Среднеобского диалектного архива снабжены нами указанием на время записи, что вскрывает устойчивость данных коммуникативных тактик: *Ей-богу, не вру. Уж на моих памятях было* (1955); *Да **разе** я **вру** про это? Ну скажи-ка? Всё я про это честно сказал* (1970); *Мы все босиком бегали [раньше]. Ей-богу, не вру, а сейчас гляжу...* (1972); *Правда, правда, это я уж не вру, а по чистой совести говорю* (1980); *Я нисколько вам даже не вру. Ага.* (1985); *Мотю бьёт! От ей-богу, я не вру* (1993); *Чё, неправда я говорю? Я же не вру. Правда так было* (1997); *Вот уж мне-то поверь, я не вруша, никогда не вру ничё* (2002). Многочисленные диалектные и просторечные синонимы *врать* употребляются в диалектном дискурсе аналогично: *Я ведь нисколь не **хлопаю*** (среднеурал.); *Вот ты **ду-**маешь: брехня. А я не **брешу**, ты кого хошь спроси.*

Характерная (или даже единственно возможная?) самооценка говорящего при помощи оператора *никогда* сводится к декларации безусловной и неизменной правдивости. Постулатом традиционной речевой культуры

выступает текст: *Я не вру никогда, и не хвастаю, и ничё...* (Том. Верш. 1995).

7. Диалектная специфика: уникальные иллокутивные силы ↔ этос культуры. Казалось бы, невозможность прямого перформатива, т.е. знаменитое открытие З. Вендлером «причудливых глаголов говорения, которые нельзя употребить для говорения»¹, иначе случится «иллокутивное самоубийство», не имеет национально-культурной специфики.

Вместе с тем любая национальная культура, подобно национальному языку, – это всего лишь абстракция, реально воплощаемая рядом функциональных вариантов. И функциональная стратификация культуры может оказаться не менее значимой и резкой, чем национальная. Перейдем к примерам, нарушающим «прерогативу» неперформативных позиций для элементов рассмотренного выше лексического множества (образцовыми (модельными) представителями которого выступают предикаты *врать* и *болтать*) и приводящим в недоумение человека, далекого от русской традиционной культуры.

Рассматривая автореферентное употребление перформативов, закономерно будет обратиться к содержанию вранья и болтовни и к текстам, в которые они «помешаются».

Во-первых, это нарративы о профанных объектах вещного мира или же рядовых событиях и положении дел в прошлом. Такого рода тексты создаются говорящим в рамках обыденного речевой деятельности. В них предикат *врать* и его синонимы отрицают истинность сообщаемого, но одновременно эксплицирована неумышленность искажения информации. Посредством глагола *врать* оценивается вовсе не тактика коммуникативного поведения говорящего – на первый план выдвигается сама интерпретация (описание) действительности: *Пачески [вычески после вторичного чесания льноволокна щёткой] эти ткали на ручные полотенцы, вру, – посудные (1956); Знаете чё, Валюшка третьеводни аванец получил и опеть налкался [напился], как свинья. Полночи шумел, да матерился, да упал, видать. Загремело у них сильно чё-то. Знаешь чё: вру, вру я. Это в четверик. Он это в четверик пьяной пришёл, а в пятницу до обеда спал и на работу не ходил. А Федосья-то скрывает, вишь (1975); И было масло растительно. Нет, вру. Как же было? (1981); Юбку первую мне сшили, восемнадцать годов [мне] было. Я по улице шла – ни на кого не глядела. Тогда думала, что ног подо мной нету. Восемнадцать годов. А серги тятя не купил. Сколь обещал, надери воз дуба [коры ивы, из которой получали красящие и дубильные вещества], что продаст его и купит золоты серги. А сам купит чё по хозяйству. Шесь возов я, семь возов [надраля]... Шесь, – вру я, прости, Господи, грех. Три рубля серги золоты стоили, больши*

¹ З. Вендлер [27] сосредоточился на форме 1 лица ед. числа настоящего времени – как первичной и самой характерной для перформативов, так называемой «перформативной рамке». Считается, что ее нарушают (а) грамматическое прошедшее время, (б) инфинитив, (в) пассивный залог. Мы учитываем и указанные периферийные зоны.

деньги [по тем временам] (1981); Дык она семь человек, однако, вру, восемь человек за стол посадила, всех угостила. Восемь человек. Наутре опеть старушек собрала (1985); Но только не верю сама себе, я, наверное, вру. Я сказала, что в Троицу набрала [ягоду] (1988); Аня увидела [родственников соседки]. Или Аня ли, Маня ли? Нет, сказала «Аня», однако. Уж тоже забыла, тоже вру (1994); Нет, вру я, это уж под утро, ну, так в часа четыре приехал он (1997); Внук-то мой, Олег-то, Осподи, ну Петра [сын], Олег Петрович. Оне мебель покупали, ну и стару-то вынесли, а новую-то не везут, [потому] что машина поломалась. Ну и спали все на полу. Ага. Три ночи спали. Ой, вру, две, две (2008); В тем году я в третий класс, в третьем классе... вру, в четвёртым или в каком? В четвёртым... ну и не ходил, как обувки-то нет. А охотка была, конечно, в школу, а вишь чё, бедность задавляла. Мать одна с нами колотилась. После ешию малость ходил [в школу] (2008); Ну я потом в Колпашево, это в [19]55-м году я приехала в Колпашево, нет, вру, не в Колпашево, в Асино даже (2016).

В данных примерах перед нами, скорее, оттенок *врать*₃ ‘неверно показывать, быть неточным’. Говорящий сообщает неверную, неточную (неистинную, ложную) информацию о минувших событиях по объективной причине: он не помнит всех деталей ситуации за давностью времени. Добросовестное же заблуждение, ошибка выводятся из сферы этики – они не допускают ни порицания, ни презрения, ни насмешки. Как следствие, у предиката *врать* отсутствует речеповеденческий аспект, поскольку у говорящего нет намерения обмануть: **эмпатия перенесена с человека на текст**, с субъекта действия на результат. Перед нами не ложь, вранье, обман, выдумки (семантика данных имен имплицитно процесс – некто лжет, врет, обманывает, выдумывает), а неправда, которая не соотносится с человеческим поведением и в силу этого оценивается мягче. Носитель элитарной речевой культуры, вероятно, актуализовал бы более сдержанную этически оценку «ошибка». Ср. с ситуацией, когда нарратор описывает целенаправленную ложь (хотя грамматическая форма глагола оказывается не совсем в центре перформативной рамки), оправдывая ее нравственно выигрышной точкой зрения, праведной целью. Запись сделана в 1983 г. от Ульяны Васильевны Рожковой (1918 г.р.), имеющей 1 класс образования, в г. Колпашево Томской обл.: *Ну, и вот, остался сыночка у меня [а муж уехал неизвестно куда]. Остались мы с ним, нянчились так. Ну ничё, вот теперича... До школьного возраста. В школу ходил, учился. Сначала глянулась учёба, а потом начал отваливать с друзьями там с этими. С пути сбивают тоже там: «Давай, Толик, бросим школу, пойдём куда глаза глядят». Ну а я-то на работе. Ну как я могу работу бросить и побежать чего-то там наказывать? Прихожу домой, ему сготовила погесь. Теперь я ему начинаю: «Учёба не идёт почему?». Ну **врать, зачала врать**: «Если ты бросишь школу...» До 3-го класса доучился, дальше не хочет ни в какую. Хоть его в угол оставь, и это бесполезно. Там такой же напарник у его. Слушат напарника, [решил] бросать школу. Я говорю: «Он пускай*

бросает, у него отец есть. У тебя нету. Ты подумай, это. А я старая, говорю, ты бросишь школу, а меня в тюрьму посадят. Вот тогда будешь знать, как с этими ходить, бродяжничать». Автор лжёт, пытаясь вызвать у сына жалость и страх за судьбу матери.

Во-вторых, на этом фоне резко контрастируют речевые произведения иного рода. Так, примерами: (а) *Одни и те же [частушки] начала буробить*; (б) *Старинные песни спрашивают. Буробим старые...* – авторы среднеобского ВС иллюстрируют оттенок значения ‘рассказывать о пустом, второстепенном’ у глагола *буробить*. В данном случае решение лексикографов вызывает возражение, поскольку содержание текста – материал народной традиции – по определению не может расцениваться ее носителями как нечто малозначимое.

Подобные контексты актуализации с достаточной регулярностью встречаются в опубликованных архивах диалектных записей и словарях, независимо от ареала функционирования говора: *Чего вам ещё трёхатъ-то надо?* (волог.); *Куда-нибудь ещё сходите, может, кто вам чё побрешет. Мы уж вам всё выбрехали, и к лету-то не накопим брехатъ*; *Чё ж ещё побрехатъ? Я про людей не знаю, только про себя*; *Чё же я [вам] ешиш совру-то...*; *Много буровила уже, а больше, девки, буровить нечего* (амур.). Показательно, что в той же вокабуле СРГП, откуда извлечена последняя иллюстрация, помещен и пример «правильного» употребления глагола *буровить*, когда он обозначает именно передачу незначительной, возможно, даже лишённой логики и смысла информации: *Он умом помещался, он чё буровил, оне не обращали внимания и не трогали его. Маленько полежит и опеть забуровит*.

Почему же «иллокутивное самоубийство», исследованное З. Вендлером, не пугает диалектоносителей и они в описании собственных речевых действий и действий своей «мы-группы» актуализуют предикат, который коннотирует и имеет пейоративные элементы значения?

В такой коммуникативной тактике следует видеть прямые проявления этоса традиционной культуры. Объем данного термина неустойчив. К. Гирц [24] к понятию «этос» сводит этические и аксиологические аспекты мировоззрения, тогда как гносеологию, онтологию и космологию связывает с понятием «картина мира». Однако чаще всего этос отсылает к нормативно-ценностной составляющей в сословных или профессиональных практиках [25]. Социология трактует этос как стиль жизни общественной группы, принятую в той или иной культуре иерархию ценностей, которая выражена открыто или может быть выведена из поведения ее носителей.

Мы ориентируемся на позицию А. Кребера, подразумевавшего под термином «этос» то, что люди одобряют и ожидают: «Когда мы говорим об этосе культуры, мы имеем в виду не столько специфический моральный и этический кодекс, сколько то ее всеобъемлющее свойство, которое способно создавать характер и нрав индивидуумов, ту систему идеалов и ценностей, которые господствуют в этой культуре. <...> Этос – это описание

внешним наблюдателем того, каким образом представители данного народа судят, что хорошо и что плохо. Люди сами могут отдавать себе в этом отчет, но по большей части это безотчетно присутствует в их обыденной жизни со всеми ее поворотами. Этическая система, таким образом, является частным случаем этоса. **Этос есть система открытых и подсознательных суждений, характерных для данной группы. И среди них суждение о том, какими люди должны быть** (выделено мною. – Г.К.), в отличие от заключения внешнего наблюдателя-психолога, что они собой реально представляют» (цит. по: [26. С. 10]).

Вернемся к ситуации, когда сомнения в достоверности и содержательности передаваемой информации у говорящего возникать не могут. Вместе с тем коммуникация протекает в специфических (искусственных) для носителя традиционной культуры условиях. Ее классическая установка – речевое общение в своем кругу. Анализируемые же тексты порождены в ходе интервьюирования немолодого, как правило, информанта незнакомыми или малознакомыми людьми. Начиная с примера из СРНГ, датированного XIX столетием: *Он те бухтёвин насгораживает, а ты записывай*. Тотем., Кадн. Волог., 1892, – вплоть до свежих экспедиционных материалов диалектологов, публикуемых в современной научной периодике: *Ой, что я вам, девки, набуровила* (самар.); *Наша говоря кажется им интересна, [думают, наверное] не поймёшь, це лекцюот* (печор.); *Набрать разную пишете* (псков.), – вопрошающую (взыскующую истины?) сторону представляют этнографы, диалектологи или фольклористы – чужаки в контактирующем с ними языковом сообществе. Кроме того, психологическое напряжение создает сам факт фиксации разговора, что сразу лишает происходящее заурядности: *Так и ждёшь, когда включите [магнитофон]. Ха-ха. Чтоб записать враньё мужиков; Вы выключили там [магнитофон]? А то я чё попало буроблю*.

В результате в актуализуемых глаголах речи на первый план выходит именно речеповеденческий аспект, нравственная оценка коммуникативного процесса и самооценка говорящего, но никак не правдивости текста. На выбор предиката лжи и пустословия влияют ряд факторов, которые могут быть выделены посредством анализа развиваемых дискурсивных мотивов.

Прежде всего, это недостаточное понимание говорящим конечной цели [навязанной ему] беседы с приезжими (*Вакам и вакам, сами не разберём зачем* (морд.), неуверенность в дальнейших действиях мало знакомых людей, а еще более – в себе: *Чё-то я всё говорю да говорю. Потом будете говорить: намолол вам старый; От будут читать – скажут: «Набуровила холеру какү-то»*). Сюда же следует приплюсовать сомнения в допустимости, дозвоительности темы беседы: *Даеч как ушли вы, девки, старик мой очуманел и говорит: «Мать, не наболтал ли чего лишнего?»; Трёкам мы уж тут долго, девки, может, и не так чё, а вы всё пишете кого-то* (среднеурал.); *Не осудите, что набалыкала я вам, чё наплела* (перм.); *Не осудите меня, я наборошила вам тут всякую всячину* (перм.); *Не осудите меня, я набулькаю дак, наговорю чё надо и не надо* (перм.). Последняя

коммуникативная формула извинения регулярно фиксируется исследователями на протяжении всего периода изучения русских говоров. Так, в СРНГ помещен датированный контекст: *Ни бессудьте, чего не накалякали* (Симб., 1895–1896).

Существенным оказывается психологический дискомфорт от предположения, что беседа нарушает те нормы, которые Р. Мертон назвал «социально ожидаемыми длительностями». Такие ожидания регулируют продолжительность значимых для общества актов, процессов, деятельности, в том числе речевой коммуникации – разговоров, бесед, рассказов, исповедей, жалоб. Метонимически слишком длительный разговор обозначается через большой объем сказанного: *Вы уж извините, что нагомонили много* (амур.); *Много я вам намолодла; Я уж тут вам много наколоколила* (арх.); *Много я вам бороную? Надоело меня слушать?* (морд.).

Речевое поведение трех лиц, отсутствующих в пространстве данного коммуникативного акта, равным образом описывается информантами через предикаты лжи и пустословия, поскольку односельчане, соседи, родственники входят в «мы-группу» говорящих: *А вы вот к снохе моей сходите, та уж вам набалагурит; Вот мать мою испроси, она что-нибудь набалакает вам; К Анне Абросимовне идите. Она вам наболтат; Сходите вон к той баушке, она вам много навталкивает* (волог.); *Она вам сколемесит чё-нибудь* (среднеурал.); *Позвали бы, так она бы побрякала [вам]* (среднеурал.); *Миневна да Александра [в]двое побольше [вам] набрякали, а то ведь поодиночке живут, не с кем поговорить* (арх.); *Сейчас старик [мой] приехал, он тебе набалакат* (карел.); *Ой, набаталит она много, подите к ей* (иркут.); *Ты иди к нему, он тебе с беса [много] наболтает* (селиг.); *Сходите к ней, дак она наворокосит досюльнего до* (карел.); *Хозяйка тебе накает песен* (карел.); *Она [вам] цё-нидь набуробит, токо слушай её.*

Если по отношению к членам «мы-группы» – неким индивидам, которые способны точно, полно, искусно, мастерски передать материал и ценности традиции, все же допустимы немаркированные предикаты речи (*Дед, тот-то маленько чё-нибудь скажет про старину-матушку. А я как трещотка трещу; К Лиды пойдёте? А то мы-то тут, мы с Сашкой можем болтать, знаешь, до вечера. Мы болтать можем.* <...> *К Никитишне идите, она вам про тот берег расскажет, а Потовский чё – он ничё вам не расскажет; Ну, чё ещё [с вами] балякать будешь? Старик [вот] у меня мастер сказки сказывать*), то от говорящего лица это требует самоидентификации как человека, не [вполне] владеющего теми или иными гранями традиции как таковой¹, и сомнений в правомочности исполнения социокоммуникативной роли умелого рассказчика: *Кабь умела, дак набайкала бы всего* (карел., 1870). *Могла бы, дак я накостыляла бы вам слов* (карел., 1960).

¹ Ср. запись, сделанную от Анфусы Степановны Егонькиной (1914 г.р.): *Я петь-то не умела, а частушки-то брякала понемногу* (Мол. Мол. 1975).

Позиционирование себя как краснослова или просто говоруна этос диалектной лингвокультуры заставляет чем-то уравнивать, например указанием на реакцию слушателей, далекую от тривиального одобрения и похвал: *А тот год девки приезжали, уж я им **наговорила**, уж я **наговорила**. Они **прехохотались надо мной***. Однако чаще «противовесом» похвальбе становятся именно коннотирующие предикаты речи, как сопровождаемые дополнительным снижением самооценки (*Я, прости Господи, озорна старуха, я **булькну** что, оне [студенты] **надасятя хохотать*** (тюмен.), так и актуализуемые без поддержки каких-либо вспомогательных средств: *Вам бы со мной месяц [поговорить]: я-то бы вам **набузцла*** (новос.); *Мы, старухи, много **налепецем**, вы записывайте* (волог.); *Да мы бы вам **набаяли, наболтали*** (моск.); *Летом приедешь – я тебе **назвоню толстые тетради две-три*** (казаки-некрасовцы).

Упомянутая выше семиотическая оппозиция ‘facere’ vs ‘dicere’ также накладывает свои ограничения на выбор предикатов речи. Праздный разговор не требует труда, усилий, прилежания, старания, усердия, он сильнее всего противопоставлен делу. Следовательно, разговор и не может быть достоин благодарности, уважения. Эта установка может быть высказана открыто: *А за что тут спасибо, **толюкай, барабонь да барабонь**, что знала, то рассказала, **лоскатать-то можно не работать*** (селиг.), но чаще в виде импликатуры она вводится контекстами актуализации: *Мы на два журнала **мелем**; Ежели я буду **болтать**, тетради этой не хватит [для записи разговора]; **Накропаем** всего, то будет книга большая (карел.); *Вот на старости лет **буробишь** им [диалектологам]; Я **набуробил** вам и теперь ещё не знаю, чё взять [еще]; Ну, **наколелдил** я вам (свердл.); *Вот я вам **набрякала** невесть сколько (костром.); Мы можем всяко **накарзать*** (псков.); *Чё тебе ешио [добавить]? Забываю, чё и **бормочу**; И так вам **нахлопала** чё попало; Ну, чё ещё **балякать** будешь?; А вы надолго [к нам] приехали? Чё-нибудь **бякнем**; Может, я что **накоряю**, я ведь неграмотная (псков.).***

Приведем довольно объемный текст, в котором последовательно разворачиваются почти все выделенные выше мотивы. Запись сделана в 1978 г. в селе Зырянском Зырянского р-на Томской обл. от С.Г. Онуфриевой (1897 г.р.) при разговоре со студентами, которые провели в селе несколько дней: *Ой, горе с вами. Не вводите бабуку в греха. Всё учите, всё **знате**, а ходите с дураков ум собирать. Десять лет окончатете в деревне, да в городе пять летов. <...> Всё знаете-перезнате. Учителя-то пятнадцать лет [учат их], да всё ешио по дуракам **ходят** старым. Ой, Господи прости. <...> Ой, горе с вами! Ступайте! А в конце напишите: бабка врала, безумна была. Да, живёшь, живёшь, ум проживёшь. Жаль, что не ушла, **избу** на замок не заперла. Ну, я думаю, это скажут: «Бабка врала, врала», – а я на ваши вопросы отвечала. <...> Хмы. Ну, за чё «спасибы». Смотрите, чтоб меня куды не засудили. Не сердчите на старуху, **если** чё не так [г]де сказала.*

Созерцаемая через призму морали реальность – этическая картина мира – предстает многомерной и далеко не «черно-белой»: с одной стороны,

речь, болтовня противопоставлены делу, но с другой – речь и молчание равным образом являются актом, действием. Как видим, предикатом *врал* дискредитируется не содержание высказываний, а сам речеповеденческий акт в ряду других поступков (*не ушла, не заперла избу, на вопросы отвечала*) и его субъект (*безумная, дура старая*). Тем более неоднозначны те суждения, где автор вербально разворачивает вступающие друг с другом в конфликт культурные нормы. Под давлением этоса, трактующего разговор, который ведут без какой-либо нужды (без ясного предметно-практического целеполагания), как праздность, говорящий выбирает предикаты лжи или болтовни, а во исполнение требования истинности сообщает, что его речь правдива и компетентна. В результате оценка текста становится несущественной, а в фокус внимания попадает его автор: *Чё знаю, болтать-хлопать могу, а так_о [неизвестное мне лично] не могу [описывать]* (Омск. Тар. 1966); *Ага, ну я не досказала, ишь, я чё попало буроблю. Только что справедливо всё, я врать не вру* (Том. Верш. 1988); *Я, может, чего навру вам. А потом меня за шкуру потянут, под старость-то. Ну, я-то правду говорю* (Том. Верш. 1991).

Таким образом, этическая и истинностная оценки речевого поведения и текста как его результата, наслаивающиеся на тот или иной коммуникативный акт, являются неравновесными. Их важность может различаться вплоть до элиминирования, исключения, «снятия» утратившего актуальность аспекта. Как итог употребление речеповеденческих предикатов лжи и болтовни **в рамках традиционной культуры** связано с несколькими функциями.

Наиболее простая роль подобных глаголов в диалектном дискурсе заключается в выражении универсального, лишённого какой-либо яркой национальной специфики убеждения в возмутительности, недопустимости и даже греховности лжи и достоинствах правды. Данная установка культуры воплощается при актуализации неперформативных позиций глагольной лексемы (*врёшь, врёт, не вру*) и автореферентного отрицания (*я не вру*). Очевидно, что для выбора говорящим лицом анализируемых предикатов лжи и болтовни не имеют особого значения тема разговора или статус его адресата. Оценка, обличенная говорящим в форму глагольного слова, ориентирована на его собственное мнение, установки и предпочтения, сформированные культурой, и направлена на внешний универсум. Предикаты лжи и болтовни дают возможность или право сообщать об аморальности как поступка человека, так и содержания его речи – обличаемый, зная правду, подменяет ее гнусной ложью, подлым обманом или клеветой, и предикаты несут осуждение этой нравственно-поведенческой тактики.

С ядерной перформативной формой *вру* более сложно сопряжены уже функции-антагонисты. Перформатив обслуживает фундаментальную семиотическую оппозицию «свой / чужой», вливаясь в ряд ее многочисленных и разнокодовых языковых коррелятов, и служит для консолидации или же разъединения говорящего и собеседника (собеседников). Здесь приобретает важность фактор темы разговора. Если в дискурсивном фоку-

се находятся обыденная действительность, повседневная жизнь, рядовые события, привычные вещи, то говорящему лицу допустимо полагать, что и сам дискурс разворачивается внутри присвоенного им «жизненного мира». Чужое и чуждое – *в сей час* – отступает за пределы пространства коммуникации, оказывается несущественным и несуществующим. Разговор идет на равных: социовозрастной статус собеседников вне эмпатии говорящего, и даже максимально возможные различия между ним и другими участниками разговора нивелированы. Содержание сообщения, введенное перформативом *вру*, конечно, воспринимается как неправда, появившаяся, однако, в результате невольного заблуждения, и нравственные качества автора утверждения не поддаются под этическую оценку. А поскольку в общении между своими нет препон и помех, указать на неправду, т.е. выполнить чужую задачу (адресата), может и сам автор. Ведь искажение истины в данных обстоятельствах – это не циничное бесстыдство, а только ошибка. Речеповеденческий акт при этом интерпретируется односторонне, лишаясь своей деятельностной ипостаси.

Самая специфичная функция описываемых лексем реализуется при воздействии сразу двух факторов. Во-первых, с точки зрения говорящего, он и его собеседники принадлежат к разным «жизненным мирам» и граница между ними крайне резка, отчетлива, несомненна. Коммуникантов разделяют очень многие аспекты, связанные с базовым уровнем идентичности: возраст, жизненный опыт, образование, место жительства и пр. Во-вторых, важна тема беседы, ведущейся о своем для одной из сторон мире. Предикаты речевого поведения дают говорящему возможность продемонстрировать этос диалектного лингвокультурного сообщества – то «должное», которое ориентировано уже не на внутреннюю оценку, а на феномен «Другого» – оценку внешнюю. При этом меняется и объект оценки, выражаемой глаголом: говорящий указывает на личную неидеальность (несовершенство, изъяны, пороки, недостатки, слабые стороны или даже грехи), т.е. выносит приговор не миру вокруг себя, а собственному месту в нем. Эта оценка и находит свое отражение и выражение в семантической системе языка. Следовательно, посредством актуализации предикатов лжи и болтовни в перформативной позиции парадоксальным образом начинает действовать двунаправленный механизм отчуждения говорящего от адресата и одновременно его объединения с собственной «мы-группой». «Подрывной фактор» (З. Вендлер) глаголов *врать*, *болтать* и их синонимов направлен на дискредитацию не содержания (правдивости) речи, а на правомочность трактовки этого содержания говорящим и даже более того – правомочность самой речи в данных обстоятельствах. Оценка речеповеденческого акта вновь оказывается неполной, но на сей раз выхолощена, устранена за ненадобностью ее истинностная составляющая.

Ценности национальной культуры, ее предпочтения, скрепы и константы не всегда явлены прямо, зачастую они раскрываются и осмысляются человеком «от противного», от оппозита, без которого невозможны целостность и полнокровность этической картины мира. Чем обильнее типич-

зирован лексикой и фразеологией отрицательный полюс той или иной моральной дихотомии, тем более для данной лингвокультуры значим ее положительный полюс, и осуждаемые разновидности изъянов и пороков дают каждому представление о чтимых добродетелях и уважаемых достоинствах. Таким образом, предикаты лжи и пустословия высвечивают, показывают важность правды и глубокого смысла, которые якобы профанируются ими. Широта и частотность употребления в диалектном дискурсе предикатов речевого поведения из представленных лексических группировок свидетельствуют о важности восприятия и оценки не только правды / неправды, но и постоянном учете должного состояния окружающей действительности. Утвердившаяся (в том числе под влиянием православия) «словоцентричность» русского мира позволяет носителю традиционной культуры маркировать свое предполагаемое несоответствие высоким этическим идеалам – разного плана – через несоблюдение речеповеденческих установок. При этом сложная природа двойственной оценки, выражаемой предикатами лжи и болтовни, более ярко проступает в «низкой» дискурсивной практике, которая допускает употребление коннотирующих перформативных форм, невозможное для «высоких» текстов. Своеобразие русской культуры, вырабатывавшееся в течение столетий, обнаруживает свою глубинную природу в том числе и в функционировании глаголов речевого поведения.

Локалы

Алт. – алтайские, амур. – амурские, арх. – архангельские, брян. – брянские, владимир. – владимирские, волог. – вологодские, ворон. – воронежские, забайк. – забайкальские, иркут. – иркутские, калуж. – калужские, киров. – кировские (вятские), кольск. – кольские, костром. – костромские, краснаяр. – красноярские, курск. – курские, ленингр. – ленинградские, моск. – московские, мурман. – мурманские, новг. – новгородские, новос. – новосибирские, олон. – олонечские, пенз. – пензенские, перм. – пермские, печор. – печорские, прииртыш. – прииртышские, псков. – псковские, самар. – самарские, сарат. – саратовские, свердл. – свердловские (екатеринбургские), сев.-двин. – северо-двинские, селиг. – селигерско-торжковские, смол. – смоленские, среднеур. – среднеуральские, талиц. – талицкие, тул. – тульские, тюмен. – тюменские, урал. – уральские, ярослав. – ярославские говоры; карел. – русские говоры Карелии, морд. – русские говоры Мордовии, татар. – русские говоры Татарстана.

Литература

1. Толстая С.М. Звуковой код традиционной культуры // Мир звучащий и молчаливый: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999. С. 9–16.
2. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1985. 536 с.
3. Хаймс Д.Х. Два типа лингвистической относительности (с примерами из этнографии американских индейцев) (1966) // Новое в лингвистике. Вып. 7: Социоллингвистика. М., 1975. С. 229–298.
4. Вендина Т.И. Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры. М., 2007. 336 с.
5. Топоров В.Н. Санскрит и его уроки // Древняя Индия: Язык. Культура. Текст. М., 1985. С. 5–29.

6. Мечковская Н.Б. Чем белорусы отличаются от русских? // Мячкоуская Н. Мовы и культура Беларусі. Мінск, 2008. С. 159–172.
7. Личковах В.А. Эстетические транспозиции идей исихазма в отечественном авангарде и постмодерне // Вестник Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова. 2014. № 3 (15). С. 115–124.
8. Гольдин В.Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии : дис. в виде науч. докл., представленная на соиск. учен. степени д-ра филол. наук. Саратов, 1997. 52 с.
9. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994. Ч. 1. С. 1–73.
10. Гольдин В.Е. Речь в традиционной сельской культуре // Аванесовские чтения. М., 2002. С. 77–79.
11. Чернейко Л.О. Культура речи в свете этики ответственности // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2014. № 2-1. С. 245–260.
12. Мечковская Н.Б. Метаязыковые глаголы в исторической перспективе // Язык о языке. М., 2000. С. 363–380.
13. Хороненко С.С. Глагольная лексика со значением передачи сообщения адресату: семантический язык и классификация лексико-семантической группы // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. Филологические науки. Языкознание. 2010. С. 166–175.
14. Чупрякова О.А., Сафонова С.С. Семантика и функционирование глаголов речемыслительной деятельности в русском диалектном пространстве Республики Татарстан // Филология и культура. 2016. № 1 (43). С. 164–172.
15. Арутюнова Н.Д. Речеповеденческие акты и истинность // Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999. С. 585–616.
16. Арутюнова Н.Д. Истина и этика // Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999. С. 557–574.
17. Толстая С.М. Славянские параллели к русским *verba* и *nomina dicendi* // Язык о языке. М., 2000. С. 172–190.
18. Макеева И.И. Языковые концепты в истории русского языка // Язык о языке. М., 2000. С. 63–155.
19. Батурина Т.М. Глаголы речевой деятельности в древнерусском житийном тексте: функционально-семантический аспект // Вестник Волгоградского университета. Сер. 2. Языкознание. 2009. № 2 (10). С. 38–42.
20. Толстая С.М. Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1 (3). С. 112–127.
21. Красухин К.Г. Слово, речь, язык, смысл: индоевропейские истоки // Язык о языке. М., 2000. С. 23–44.
22. Толстая С.М. Многозначность // Толстая С.М. Пространство слова: Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008. С. 15–49.
23. Арутюнова Н.Д. Вторичные истинностные оценки: правильно, верно // Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999. С. 574–585.
24. Гириц К. Интерпретация культуры. М., 2004. 560 с.
25. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В.С. Степина. М. : Мысль, 2001.
26. Редфилд Р. Малое сообщество: Крестьянское общество и культура // Отечественная история. 1994. № 6. С. 7–18.
27. Ведлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 238–250.

Словари

(В) Воробьев Б.Д. От абалтуса до угланчика, и кто такой «яд»: Словарь синонимов, характеризующих человека. Екатеринбург, 1999. 75 с.

- (ВС) Вершининский словарь. Томск, 1998–2002. Т. 1–7.
- (Д) Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. (1880–1882). М., 1978.
- (К) Королева Е.Е. Диалектный словарь одной семьи (Пыталовский район Псковской области). Даугавпилс, 2000. Ч. 1–2.
- (Л) Лютикова В.Д. Словарь диалектной личности. Тюмень, 2000. 188 с.
- (МАС) Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1983.
- (ОСРЯ) Обратный словарь русского языка. М., 1974. 944 с.
- (П) Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка : в 2 т. М., 1910–1914.
- (РСС) Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1998–2007. Т. 1–4.
- (С) Селигер. Материалы по русской диалектологии: словарь : в 2 т. СПб., 2003–2004.
- (САР) Словарь Академии Российской. 1789–1794. М., 2001. Т. 1–6.
- (СДЯ) Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / гл. ред. Р.И. Аванесов. М., 1988–2012.
- (СРГП) Словарь русских говоров Приамурья. 2-е изд., испр. и доп. Благовещенск, 2007. 544 с.
- (СРГС) Словарь русских говоров Сибири : в 5 т. Новосибирск, 1999–2006.
- (СРЯ) Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–2008. Вып. 1–28.
- (СРНГ) Словарь русских народных говоров. М., 1965–2016. Вып. 1–49.
- (ТСРГ) Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко. М., 1999. 704 с.
- (Ф) Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : пер. с нем : в 4 т. (1950–1958). М., 1964–1973.

“NO, I AM NOT LYING” VS. “NO, I AM LYING”: TRADITIONAL CULTURE IN THE MIRROR OF PREDICATES OF PROFANE SPEECH

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 54. 67–97. DOI: 10.17223/19986645/54/5

Galina V. Kalitkina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dasty2@yandex.ru

Keywords: traditional culture, dialect, speech behaviour predicate, profane speech, performative.

The article analyses the predicates of profane speech behaviour, which occupy an important place in the “word-centred” Russian culture and function in modern everyday discourse. The aim of the article is to identify the purpose of their self-reference forms in the linguistic culture. The study focuses on verbs that are relevant to dialect discourse practice. Taking into account the common cognitive basis of dialects of one language, the author used Volumes 2 and 3 of SRNG, a number of regional dictionaries and the Central Ob Dialect Archive to compile an open lexical group of predicates with an integral seme “to speak”, “to inform the addressee about something (information, thoughts, etc.) through speech”, and with different semantic components that create two oppositions: “conformity/discrepancy of the reported to reality” and “meaningfulness/meaninglessness of the reported”. The all-Russian verbs *vrat'* [to lie] and *boltat'* [to chatter] can be considered bright representatives of this group.

To solve standard communicative tasks, the speaker uses the analysed words in non-performative positions (*vresh' / boltaesh', vret / boltaet, ne vru / ne boltayu*). In this case, the verbs express the speaker’s inner position, which unites ethical and truthful assessment aimed at the outside world (a speech-behavioural act).

Using discourse analysis, it was found that the ethos of the dialect linguistic culture, under certain conditions, prescribes the actualisation of the predicates of lying and chattering, even within the strict performative framework. The self-referential use of the verbs *vrat'*, *boltat'* and their numerous synonyms leads to the unevenness of the expressed ethical and true/liel assessment and the change of their object. The study of the contexts of actualization revealed the conditions and reasons for the shift of empathy in the direction “author → text” and “text → author”. Both the classic performative form *vru / boltayu* and word forms which go beyond the present tense indicative and are supplemented with variations of modality are equally designed to serve the fundamental semiotic opposition “Us vs. Them”; they become a kind of its language correlates. When speakers include the addressee in the universe of their “life world”, the interpretation of the speech act is deprived of its “behavioural” component. The author ceases to be the object of assessment of the lie- or chatter-predicate. With the recognition of its estrangement from the interlocutor, the ethos of traditional culture makes speakers explicate an external assessment of themselves and their place in the world. As a result, assessment expressed by the predicates *vrat'* and *boltat'* loses its truth component, since the author becomes the object of assessment.

Thus, the functional importance and the complex nature of the predicates *vrat'* and *boltat'* better shows in the “low” texts of culture, which allow their performative actualization, which is not characteristic of its “high” precedents.

References

1. Tolstaya, S.M. (1999) *Zvukovoy kod traditsionnoy kul'tury* [The sound code of traditional culture]. In: Tolstaya, S.M. (ed.) *Mir zvuchashchiy i molchashchiy: Semiotika zvuka i rechi v traditsionnoy kul'ture slavyan* [The sounding and silent world: Semiotics of sound and speech in the traditional culture of the Slavs]. Moscow: Indrik.
2. Levi-Strauss, C. (1985) *Strukturnaya antropologiya* [Structural anthropology]. Translated from French. Moscow: Nauka.
3. Hymes, D. (1975) *Dva tipa lingvisticheskoy otositel'nosti (s primerami iz etnografii amerikanskikh indeytsev)* (1966) [Two types of linguistic relativity (with examples from the ethnography of American Indians) (1966)]. *Novoe v lingvistike*. 7. pp. 229–298.
4. Vendina, T.I. (2007) *Iz kirillo-mefodievskogo naslediya v yazyke russkoy kul'tury* [From the Cyril and Methodius legacy in the language of Russian culture]. Moscow: Institute of Slavic Studies, RAS.
5. Toporov, V.N. (1985) *Sanskrit i ego uroki* [Sanskrit and its lessons]. In: Bongard-Levin, G.M. (ed.) *Drevnyaya Indiya: Yazyk. Kul'tura. Tekst* [Ancient India: Language. Culture. Text]. Moscow: Nauka.
6. Mechkovskaya, N.B. (2008) *Movy i kul'tura Belarusi* [Languages and culture of Belarus]. Minsk: Prava I ekonomika. pp. 159–172.
7. Lichkovakh, V.A. (2014) *Esteticheskie transpozitsii idey isihazma v otechestvennom avangarde i postmoderne* [Aesthetic transpositions of the idea of Hesychasm in Russian avant-garde and postmodernism]. *Vestnik Ishimskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. P.P. Ershova*. 3 (15). pp. 115–124.
8. Gol'din, V.E. (1997) *Teoreticheskie problemy kommunikativnoy dialektologii* [Theoretical problems of communicative dialectology]. Philology Dr. Diss. Saratov.
9. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical works]. Translated from German. Pt. 1. Moscow: Gnozis. pp. 1–73.
10. Gol'din, V.E. (2002) [Speech in traditional rural culture]. *Avanesovskie chteniya* [Avanesov Readings]. Proceedings of the International Conference. Moscow: MAKS Press. pp. 77–79. (In Russian).
11. Chernyko, L.O. (2014) *Kul'tura rechi v svete etiki otvetstvennosti* [Culture of speech in the light of the ethics of responsibility]. *Trudy instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova – Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*. 2-1. pp. 245–260.

12. Mechkovskaya, N.B. (2000) Metazykovye glagoly v istoricheskoy perspektive [Meta-language verbs in the historical perspective]. In: *Yazyk o yazyke* [Language about the language]. Moscow: [s.n.].
13. Khoronenko, S.S. (2010) Verbal lexis with the meaning of message transfer to the addressee: semantic language and classification of a lexico-semantic group. *Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A: Gumanitarnye nauki. Filologicheskie nauki. Yazykoznanie – Vestnik of Polotsk State University. Series A: Humanitarian Sciences. Linguistics*. 7. pp. 166–175. (In Russian).
14. Chupryakova, O.A. & Safonova, S.S. (2016) Verbs of saying and thinking in the Russian dialect space of the Republic of Tatarstan: semantics and functioning. *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*. 1 (43). pp. 164–172.
15. Arutyunova, N.D. (1999) Rechepovedencheskie akty i istinnost' [Speech behavior acts and truthfulness]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
16. Arutyunova, N.D. (1999) Istina i etika [Truth and Ethics]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
17. Tolstaya, S.M. (2000) Slavyanskie paralleli k russkim verba i nomina dicendi [Slavic parallels to the Russian verba and nomina dicendi]. In: *Yazyk o yazyke* [Language about the language]. Moscow: [s.n.].
18. Makeeva, I.I. (2000) Yazykovye kontsepty v istorii russkogo yazyka [Language concepts in the history of the Russian language]. In: *Yazyk o yazyke* [Language about the language]. Moscow: [s.n.].
19. Baturina, T.M. (2009) Glagoly rechevoy deyatelnosti v drevnerusskom zhitiynom tekste: funktsional'no-semanticheskiy aspekt [Verbs of speech activity in the Old Russian hagiographic text: a functional-semantic aspect]. *Vestnik Volgogradskogo universiteta. Ser. 2. Yazykoznanie – Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2 (10). pp. 38–42.
20. Tolstaya, S.M. (2002) Motivatsionnye semanticheskie modeli i kartina mira [Motivational semantic models and the picture of the world]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 1 (3). pp. 112–127.
21. Krasukhin, K.G. (2000) Slovo, rech', yazyk, smysl: indoevropeskie istoki [Word, speech, language, meaning: Indo-European sources]. In: *Yazyk o yazyke* [Language about the language]. Moscow: [s.n.].
22. Tolstaya, S.M. (2008) *Prostranstvo slova: Leksicheskaya semantika v obshchoslavianskoy perspektive* [The space of the word: Lexical semantics in the all-Slavic perspective]. Moscow: Indrik. pp. 15–49.
23. Arutyunova, N.D. (1999) Vtorichnye istinnostnye otsenki: pravil'no, verno [Secondary truth estimates: correct, right]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
24. Geertz, C. (2004) *Interpretatsiya kul'tury* [The interpretation of cultures]. Translated from English. Moscow: ROSSPEN.
25. Stepina, V.S. (ed.) (2001) *Novaya filosofskaya enciklopediya: v 4 t.* [New philosophical encyclopedia: in 4 vols]. Moscow: Mysl'.
26. Redfield, R. (1994) Maloe soobshchestvo: Krest'yanskoe obshchestvo i kul'tura [A small community: Peasant society and culture]. Translated from English. *Otechestvennaya istoriya*. 6. pp. 7–18.
27. Vendler, Z. (1985) Illokutivnoe samoubiystvo [Illocutionary suicide]. Translated from English. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. 16. pp. 238–250.

Dictionaries

- (V) Vorob'ev, B.D. (1999) *Ot abaltusa do uglanchika, i kto takoy "yad": Slovar' sinonimov, kharakterizuyushchikh cheloveka* [From abaltus to uglanchik, and who is yad: Dictionary of synonyms, characterizing a person]. Ekaterinburg: [s.n.].

(VS) Blinova, O.I. (ed.) (1998–2002) *Vershininskiy slovar'* [Vershininsky dictionary]. Vols 1–7. Tomsk: Tomsk State University.

(D) Dahl, V.I. (1978) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. (1880–1882)* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols (1880–1882)]. Moscow: Russkiy yazyk.

(K) Koroleva, E.E. (2000) *Dialektnyy slovar' odnoy sem'i (Pytalovskiy rajon Pskovskoy oblasti)* [Dialectal dictionary of one family (Pytalovsky District, Pskov Oblast)]. Parts 1–2. Daugavpils: Saule.

(L) Lyutikova, V.D. (2000) *Slovar' dialektnoy lichnosti* [Dictionary of a dialect personality]. Tyumen: Tyumen State University.

(MAS) Evgen'eva, A.P. (ed.) (1983) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. Moscow: Rus. yaz.

(OSRYa) Vasmer, M. (ed.) (1974) *Obratnyy slovar' russkogo yazyka* [The reverse dictionary of the Russian language]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

(P) Preobrazhenskiy, A.G. (1910–1914) *Etimologicheskyy slovar' russkogo yazyka: v 2 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 2 vols]. Moscow: Tip. G. Lissnera i D. Sobko.

(RSS) Shvedova, N.Yu. (ed.) (1998–2007) *Russkiy semanticheskiy slovar': Tolkovyy slovar', sistematizirovanny po klassam slov i znacheniy* [Russian semantic dictionary: Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings]. Moscow: Azbukovnik.

(S) Gerd, A.S. (ed.) (2003–2004) *Seliger. Materialy po russkoy dialektologii. Slovar': v 2 t.* [Seliger. Materials on Russian dialectology. Dictionary: in 2 vols]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

(SAR) RAS. (2001) *Slovar' Akademii Rossiyskoy. 1789–1794* [Dictionary of the Russian Academy. 1789–1794]. Vols 1–6. Moscow: MIKh.

(SDYa) Avanesov, R.I. (ed.) (1988–2012) *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.): v 10 t.* [Dictionary of the Old Russian language (11th–14th centuries): in 10 vols]. Moscow: Rus. yaz.

(SRGP) Galuza, O.Yu. et al. (eds) (2007) *Slovar' russkih govorov Priamur'ya* [Dictionary of Russian dialects of the Amur region]. 2nd ed. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University.

(SRGS) Fedorov, A.I. (ed.) (1999–2006) *Slovar' russkih govorov Sibiri: v 5 t.* [Dictionary of Russian dialects of Siberia: in 5 vols]. Novosibirsk: Nauka.

(SRYa) Krysko, V.B. (ed.) (1975–2008) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. Is. 1–28. Moscow: Nauka.

(SRNG) Filin, F.P. (ed.) (1965–2016) *Slovar' russkih narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Is. 1–49. Moscow: Nauka.

(TSRG) Babenko, L.G. (ed.) (1999) *Tolkovyy slovar' russkih glagolov: Ideograficheskoe opisaniye. Angliyskie ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy* [Explanatory dictionary of Russian verbs: Ideographic description. English equivalents. Synonyms. Antonyms]. Moscow: AST PRESS.

(F) Vasmer, M. (1964–1973) *Etimologicheskyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t. (1950–1958)* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vols (1950–1958)]. Translated from German. Moscow: Progress.